

СЕМЬЯНИН

рассказ

Сегодня хорошая погода. Солнце пробивается сквозь матовое стекло. На улице тепло и хорошо. Я доем, выйду из дому и посижу на скамейке.

Я ем не один. Мои гости сидят и держат в руках столовые приборы, ковыряя вилкой в каше. Все четверо без голов, но на всех выглаженная опрятная одежда. Галстуки и рубашки слегка перепачканы чем-то бордовым.

Я доедаю порцию, выковыриваю остатки каши со дна тарелки, собираю пальцами крошки, вытираюсь, снимаю с бороды и усов кусочки зацепившийся салфетки. Встаю и ухожу, чтоб вскоре ощутить солнечные лучи. За мной никто не следует.

Игорь проснулся посреди ночи, глянул на улицу. Тишина. Несколько раз залаяла собака. Игорь повернулся, рядом лежала супруга, виднелись очертания обнажённой груди, подбородка и носа. Дети спали. Игорь встал, накинул халат и быстро проверил детей. Марина и Саша лежали в кроватках, мирно сопя, едва заметно грудь приподнималась во время вдохов. Всё было в порядке. Игорь сходил в туалет, съел шоколадную конфету, вернулся в кровать. Он лёг, повернувшись спиной к супруге, и вскоре уснул.

Я сидел в парке, глядя на небо. Ветер сбивал листву. Летало много птиц. Я сперва не понял, почему их так много. Вдоль парка ходили люди в масках различных животных. Были демоны с рогами, собаки с красными глазами, маска без глаз и рта. Лишь старушка сидела без маски в тени дерева, слегка качаясь, и что-то шептала. Виднелись её очки, кучерявая седая голова и морщинистое лицо, похожее на слоёное тесто. Старушка качалась, опираясь палкой об асфальт, а я наблюдал. Внезапно одна из птиц, напоминая ворону, атаковала старушку, затем ещё раз. Старушка отбивалась, но птица села ей на голову и выклевала глаза. Мгновение, птица вспорхнула и улетела. Старушка ничего не успела сделать. Ворона села на ветку и смотрела на меня. Левый глаз у неё был человеческим, а правый так и остался вороньим. Старушка встала со скамейки, подобрала с земли очки и ушла, держа впереди руку, чтоб не наткнуться на дерево. Ворона вспорхнула, расправив крылья. Я заметил, что под хвостом у неё был второй глаз старухи, которым она успела напоследок на меня взглянуть.

Игорь гладко выбрился, как обычно проведя в ванной двадцать минут, надел галстук и отправился на работу, но перед тем, как выйти из дому, прошёл вниз на один пролёт и постучал к соседу. Дверь была приоткрыта, что бывало часто. Игорь вошёл в квартиру, убедился, что никого нет, кроме четырёх безголовых манекенов, одетых в рубашки, сидящих вокруг стола. Игорь запер дверь на ключ и ушёл на работу.

Я вздремнул после обеда, а когда проснулся, ощутил, что падаю. Я хотел выйти из комнаты, но дверь не открывалась. Я дёргал ручку, толкал дверь на себя, затем от себя, но ничего не помогало. Дверь медленно поползла вдоль стены, вошла на потолок, и я оказался в ловушке, так как окон не было. Пришлось двигать мебель, чтоб добраться до двери, но только я попытался её схватить, она переползла в другой конец комнаты. Я проделывал заново всю процедуру, но дверь вовсе исчезла. Сооружение, собранное мною из мебели пошатнулось и повалилось. Я упал на пол, а когда встал, увидел открытое окно. Я, не тратя времени, быстро выскочил в него и оказался на траве. Ко мне подбегали какие-то существа с телами людей и головами воронов, пытаясь выклевать мне глаза, хватали меня руками и пытались растянуть в стороны. Я отбивался как мог, но они меня одолели и спрятали в стальную коробку.

Игорь возвращался домой. На работе были проблемы, он не успевал сдать отчёт вовремя. Было душно, голова гудела. В подъезде было много людей. Несколько человек держали какого-то парня, тот был исцарапан, отбивался. На втором этаже было выбито стекло, осколки разбросаны возле клумбы.

Игорь потратил несколько минут, наблюдая, как парня впихивают в карету скорой помощи. Машина умчалась, люди начали расходиться. Игорь поправил галстук, молчаливо огляделся, взглянул на многоэтажку и не торопясь пошёл домой.

– Что с вами происходит? – спросил меня человек с большим ртом. На его голове не было волос, глаз, ушей и носа, только рот. В остальном с ним было всё в порядке. Он сидел, закинув ногу на ногу, и держал в руке блокнот, что-то записывая.

Меня связали, надели смирительную рубашку и держали некоторое время взаперти. Со мной хотела поговорить обезьяна, затем холодильник, который втолкнули ко мне в комнату, а теперь меня привели к этому инвалиду, который делал вид, что вполне нормален.

– Со мной всё в порядке, – сказал я.

– Как вас зовут?

– Андрей Зубко.

– Вы принимаете наркотики?

– Нет.

– Когда вы принимали их в последний раз?

– Я же сказал, что не принимаю.

– Вы выпали из окна?

– Нет, я сбежал, когда оно появилось.

– От кого вы бежали?

– Я не помню.

– Сколько вам лет?

– Тридцать четыре.

– Какие наркотики вы принимаете?

– Я не принимаю ничего.

Мужчина постучал ручкой по зубам, затем укусил её. Ручка исчезла во рту, губы сжались до маленькой точки и рот исчез. Я больше не мог слышать, что он говорил. Через двадцать минут меня увели из комнаты какие-то существа без лиц и волос.

Игорь ел кашу, выковыривая остатки на дне, собирая пальцами крошки, когда ему позвонили.

– Добрый день.

– Добрый, – ответил Игорь.

– Я вынужден сообщить вам плохую новость. Ваша супруга так и не появлялась в бассейне.

– И где же она? – спросил Игорь.

– Этого мы не знаем, но ни её, ни ваших детей там не было. Мы не знаем, где она может быть.

Игорь начал ходить по комнате с телефоном у уха.

– Послушайте, но ведь ей некуда ехать.

– Да, мы знаем, что ей некуда ехать, – сказал полицейский, – и номер её автомобиля уже разослали по области. Мы обязательно найдём её. Когда вы видели её последний раз?

– Три дня назад, – сказал Игорь, – я видел их всех три дня назад. Умоляю, найдите мою семью.

– Мы сделаем всё, что сможем.

Я часто сидел в парке и просто наблюдал. Я заметил, что когда заостряю на чём-то внимание, становится хуже. Я делаю вид, что ничего не происходит, и мне легче. В последнее время у людей появляются нормальные лица. Я различаю мужчин и женщин. Мебель перестала со мной разговаривать. Не знаю почему, но я не воспринимал раньше это как-то особенно. Это казалось нормальным. Я и сейчас думаю, что это не так уж плохо.

Сейчас каждое утро я вижу молодую семью, гуляющую в парке. Это женщина и двое детей. Я знаю, что их зовут Марина и Сапа. Но не знаю, как зовут их мать, ведь они не называют её по имени. Я вижу их каждый день. Они счастливы, идут вдоль улицы неизвестно куда, а я только наблюдаю и мечтаю, чтоб у меня были такие же дети и супруга.

Игорь обзванивал все морги, всех родственников, обошёл все полицейские участки, взял отпуск на работе, и просто ездил по соседним городам, пытаясь найти супругу и детей. Прошло больше трёх месяцев с тех пор, как он в последний раз видел их. Неизвестно, куда они пропали. Он не знал, что думать, не знал, что делать.

Игорь постоянно думал о семье, не мог нормально есть, и мог забыться только на работе, хоть сосредоточиться получалось с трудом. Работа стала единственным, что сохраняло в нём здравый смысл.

Я нашёл работу. Сначала мне было тяжело, я мало с кем общался, у меня не было знакомых, но я не переживал по этому поводу. Я знал, что всё будет хорошо. Я начал носить белую рубашку, брюки и галстук. По утрам часто смотрелся в зеркало, приводил себя в порядок и думал над тем, что обо мне скажут со стороны. После работы у меня было много свободного времени, и я часто сидел в парке. Иногда, по вечерам я видел гуляющих детей и их мать. Марина и Саша шли, ели мороженое и держали за руку женщину. Им было хорошо, а мне было хорошо наблюдать за ними и представлять себя на месте их отца и мужа.

Игорь перерыл всю квартиру в поиске фотографий. На полу валялись вывернутые ящики с одеждой, разбросанные бумаги, снятые с полок книги, но не было ни одной фотографии супруги и детей.

– Куда же я их дел? – думал Игорь, почёсывая голову, – неужели она забрала с собой все альбомы? Но зачем? Неужели заранее планировала скрыться? Или я отдал в полицию её фотографию?

Игорь не знал, что произошло. В последние месяцы голова была занята разными мыслями, он плохо спал, начинал туго сообщать, но не замечал за собой провалы в памяти.

Я навёл в доме порядок, сделал ремонт. После того, как меня упрятали в клинику, я долгое время не был дома, и кое-что пришлось переделывать. Теперь всё в порядке. Дверь от меня больше не убегает, и я знакомлюсь с соседями. Иногда долго болтаю на разные темы. Это здорово. Но кошмары периодически навещают меня. Птицы, безголовые манекены, ковыряющие вилками в тарелках, отсутствие глаз у людей. Я надеюсь, что кошмары прекратятся. Мне нужно думать о чём-то другом, и я решил думать о Марине и Саше, которых часто вижу в парке, гуляющих с матерью.

Игорь вновь пошёл в полицейское отделение.

– Слушаю вас, – сказал дежурный.

– Я хотел бы забрать фотографию супруги.

– Назовите ваше имя и фамилию.

– Игорь Невалов.

Дежурный попросил подождать. Игорь ходил по коридору, разглядывая фотографии людей, пропавших без вести, и особо опасных преступников. Фотографий его семьи там не было. Через двадцать минут его позвали.

– Простите, но таких у нас нет.

– Как это нет? Вы ведь искали мою супругу. Как же вы её могли искать, если у вас нет её фотографии?

– Возможно, фамилия неверно названа?

– Нет, всё правильно. Игорь Невалов.

– А как имя вашей супруги?

– Имя супруги?

Игорь задумался. Что-то он не мог припомнить имя супруги. Почему он точно знал, что детей зовут Марина и Саша, но вот как зовут супругу?

– Можно ваши документы?

– Да, конечно, – сказал Игорь и протянул паспорт. Полицейский долго что-то разглядывал, а Игорь так и не мог вспомнить имени его возлюбленной.

Но почему? Как же так? Сколько мы прожили вместе.

– С вами всё в порядке? – спросил полицейский.

– Да, всё нормально.

– Тогда почему вы представились другим именем?

– Что, простите?

– Вас зовут Андрей Зубко, если судить по паспорту, потому я спрашиваю, вы в порядке?

Игорь взял паспорт и взглянул на фотографию. Там было его фото, но он был небритый, с бородкой и усам. Внизу писалось, что человека на фото зовут Андрей Зубко.

– Это, наверно какая-то ошибка. Меня зовут Игорь Невалов.

– Но в паспорте другое имя. Вы хотите сказать, что паспорт фальшивый?

Игорь посмотрел на полицейского, что-то пытаясь вспомнить, затем поднялся, спрятав паспорт в карман, и огляделся.

– Присядьте, молодой человек, – сказал полицейский, – и объясните, что происходит.

– Простите, я, наверно, пойду. Мне что-то нехорошо.

– Нет, вы никуда не пойдёте, пока мы всё не выясним.

Игорь попытался уйти, но его остановили.

– Этот человек однажды проходил психиатрическое обследование, – говорил врач, разговаривая с полицейским, – но, очевидно, так и не смог привыкнуть к одинокой жизни. Он выдумал себе семью, возможно, видел их где-то раньше, возможно, нет. Его мозг придумывал некие образы, скорей всего, под действием наркотических веществ. Он понял, что один, и переносил это слишком тяжело. Он будто падал в яму, и, как видите, единственным выходом оказалось забыть о плохом и буквально создать другого человека. Кстати, скажу вам, это здорово помогает сбросить нервы.

– Вы думаете?

– Так думаю не только я. Так что лучше прислушайтесь.

– Так что делать с этим Зубко?

– Отправлять на принудительное лечение, – сказал врач, – тут уже выкручивайтесь сами. Мне это не нужно. Пациент ваш, а у меня полно своей работы. Найдите ему подходящую клинику.

Игорь пришёл домой, в квартире был спёртый воздух. Неприятно воняло, будто кто-то умер. Он побегал в спальню. Под одеялом лежала супруга, накрытая по шею. Игорь содрал одеяло, но это оказался женский манекен с накрашенными губами. В соседней комнате лежали на полу два детских манекена. Один был одет как мальчик, другой как девочка. Игорь стоял, не зная, что произошло. Он оглядывал стены, на которых давно не было обоев, не было ковров, мебели, лишь в столовой стоял стол и стулья, а на столе четыре тарелки, за столом сидели безголовые манекены. Игорь вошёл в ванную, глянул в зеркало. Оттуда на него смотрел небритый мужчина с усиками, до ужаса напоминавший лицо Андрея Зубко, которое он видел в паспорте.

Игорь отошёл, и что-то начало до него доходить. Ему припомнились просиживания в парке, где он видел женщину с детьми, припомнилось, как он помогал соседу, страдавшему психозом, припомнилось, как врач что-то говорил о раздвоении личности.

– Не может быть, – сказал Игорь, ощупывая свою бороду, глядя на трясущиеся руки, – не может этого быть. У меня украли мою жизнь.

Игорь схватил зеркало и разбил его, бросив на плитку. Он лёг на кровать, повернулся на бок и долго лежал, думая о том, насколько он одинок. Он будто впал в транс, день сменялся ночью, затем наоборот. Слышались посторонние шорохи, какие-то голоса. Игорь посмотрел на руки, потрогал бороду, посмотрел на потолок.

Всё кружилось, словно помещение переносили. Он поднялся, пошёл по голому полу, где попадались куски линолеума. В нос ударил запах сырости и канализации. Игорь медленно двигался к окну, одежда липла к телу. Его кто-то дёрнул за рукав. Он обернулся. Перед ним стоял мальчик.

– Папа, Марина назвала меня какашкой, и потому я её стукнул. Не верь ей.

– Любимый, пора завтракать, – послышался голос супруги, – на работу опоздаешь.

Мальчик убежал на кухню. Игорь вдохнул и уловил в воздухе запах жареного мяса. Он поправил галстук, посмотрел на настенные старинные часы с встроенной кукушкой, мельком глянул на своё отражение в зеркале стенового шкафа и спешным шагом направился на кухню...

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

рассказ

Голова болела несколько недель, прежде чем я заметил закономерность. Когда я сидел на балконе второго этажа, глядя на лес, боль ослабевала, затем уходила. Мать говорила, что чай и свежий воздух – лучшее лекарство. Сама природа помогает тебе, говорила она. Но я не был уверен. Я сидел в кресле, закутавшись в одеяло, в руке чашка чая. Вокруг лес. Мне становилось легче. Одно из преимуществ загородного дома в том, что соседи не мешают. Их просто нет. Я расслаблялся. Лишь спустя две недели я догадался, почему мне становилось легче. Говорят, человек ощущает взгляд. Есть чувство, неподвластное объяснению, будто видеть затылком или слышать тишину. В тот день я отложил чашку, поднялся с кресла и прошёл к краю балкона. Плед упал на пол, я переступил через него. Лес был ужасно близко и при свете луны казался мне единым организмом. Чем-то цельным, неделимым, что словно управляло мной. Внезапно я вздрогнул. Я понял, что когда сижу на балконе, пью чай и мне становится легче, в этот момент из лесу за мной кто-то наблюдает.

– Как голова? – спросила мать и тут же взглянула на отца, обращаясь уже к нему, – ему снова плохо. Нужно поехать к доктору Комкову.

– Но я ещё ничего не ответил, – оправдывался я, садясь за стол. Тёплая рука матери коснулась лба, затем обычные причитания о том, что я не надел кофту. Отец что-то буркнул и, поправив галстук перед зеркалом, направился к двери.

– Вот видишь, ушёл, – сказала мать, схватив отца за запястье, мельком глянула на меня и добавила:

– Но я знала, что без поцелуя он не уйдёт.

Тут же поцелуй. И после этого отец ушёл. Мать глядела ему вслед, затем села за стол.

– Так будет лучше, – сказала она, – ненормально, что голова болит так долго.

– Мне легче на свежем воздухе.

– Но с тех пор, как мы приехали сюда, прошло два месяца. Раньше у тебя ничего не болело, а последние две недели, после той странной вспышки...

– Мне уже легче, мама.

Я невольно задумался о ночи, когда над домом пролетел самолёт. Это было так резко и неожиданно, что все проснулись. Вспышка на несколько секунд осветила комнату, где я спал. В лесу словно что-то беззвучно взорвалось, затем всё стало нормально.

Я стоял перед лесом. Деревья возвышались сплошной стеной. Было прохладно и немного жутко, но я ощущал себя хорошо. Голова не болела, даже стало как-то приятно, будто на меня перестали действовать все физические силы. Что-то меня манило в лес, словно звало. И я ощущал, что нужен там.

– *Иди сюда*, – сказал голос. Я обернулся, но никого не увидел. Я стоял, боясь пошелухнуться, глядя, как колышутся кончики деревьев. На секунду мне показалось, что среди деревьев мелькнул белый силуэт, но присмотревшись, я никого не увидел. Это напугало ещё больше, и я понял, что теперь точно туда не пойду.

На следующий день всё было нормально, голова не болела. Боль ушла. Это радовало, но было будто что-то недоделанное, какой-то вопрос. Я знал, что мать уехала в магазин. До обеда у меня будет время поваляться в кровати. Но я решил выйти на балкон и взглянуть на лес. Вдруг что-то изменится?

Опершись на перила и глянув вниз, я удивился. Там стояла девушка в белом платье.

– Доброе утро, – сказал я.

– Доброе утро.

– А вы кто? И что тут делаете?

– Меня зовут Лиза.

Девушка выглядела прекрасно, белое платье на ней казалось немного великоватым, но в остальном всё было отлично. Тёмные волосы спадали на плечи, руки она держала перед собой и улыбка затмевала солнечный свет.

– Я Дима.

– Мне нужна помощь, Дима. Я заблудилась. Мы с родителями путешествуем по стране, сейчас устроили привал, недалеко отсюда.

Прохожие были редкостью, ближайšie соседи были не близко, но иногда по лесу бродили туристы или путешественники. Такое бывало. Я спустился вниз, мы немного поболтали. Лиза оказалась довольно милой и общительной. Мне было с ней легко, а она не прекращала тараторить, будто знала меня давно, и говорила только на самые любимые мне темы.

Я пригласил её на чашку чая, не думая о том, что может произойти что-то плохое. Мы поднялись на второй этаж, в мою комнату, затем на балкон. Погода тёплая, мы болтали. За первой чашкой последовала вторая. Лиза не торопилась, я взял её за руку. Она слегка дёрнулась, затем улыбнулась и сама взяла мою руку.

Когда она прикоснулась ко мне, я ощутил сильное желание. Внизу живота стало жарко, сердце застучало сильнее. Я возбуждился. Её кожа была мягкая и приятная на ощупь, а поцелуй сладким и головокружительным. Мы занимались любовью прямо на балконе, это длилось недолго, но время начало идти иначе. Я ощущал только, что она рядом, больше ничего не нужно было.

Была страсть, жар, удовольствие и стоны. Я слышал, как она шумно дышала, оседлав меня. Это было до жути приятно. Она лежала рядом, я смотрел ей в глаза и улыбался, она поцеловала меня и быстро оделась.

– Мне нужно идти, – сказала она, чмокнув меня в губы, – не провожай меня. Тебе ещё нужно принять душ.

– Подожди, оставь мне свой номер телефона.

– Мы увидимся завтра, – сказала она и выбежала. Через минуту она бежала по траве, оглянувшись лишь однажды. Я наблюдал за ней стоя на балконе, помахал рукой. Я весь вспотел и промок. Казалось, что промок, как никогда. Но когда я провёл рукой по лицу, я понял, что это не пот. Это было что-то липкое и клейкое. Я был весь в каком-то слое жира. И пахло от меня горчицей. Я принял душ. В голове вновь начала зарождаться боль, но одновременно с ней у меня осталось приятное воспоминание.

Ночью мне снились насосы. Я был опутан различными шлангами, по которым текла жидкость. Шланги пульсировали, словно живые. Я был будто небольшим тромбом в этом мире необычной жизни.

Я ощущал теплоту вокруг, видел пульсацию. Я слышал, как насос высасывал жидкость. Один шланг присасался к моему бедру, и я ощутил дискомфорт, будто из меня высасывают кровь. Я проснулся в поту и оглядывался, ощущая жар. Я вспомнил, что когда мы занимались любовью, были посторонние звуки. Вроде как я был не дома, а на какой-то насосной станции.

Сейчас, лёжа в кровати, глядя на ночной лес через окно, мне слышалось какое-то бульканье, но потом стало тихо. Я подождал некоторое время. Скорее всего, мне показалось. Вскоре я уснул.

Утром мать вновь собиралась уехать в город за продуктами. Я оставался один дома, но не возражал.

– Как твоя голова?

– Нормально. Намного лучше.

Я решил, что ей не нужно знать истинные причины моего довольного лица. Но в голове уже зрел план, что Лизу необходимо будет познакомить с родителями.

Мама уехала в магазин, так как у неё кончилось подсолнечное масло и ещё что-то там, а я вышел на балкон, высматривая Лизу. Девушка не заставила себя ждать. Мы поздоровались, вновь выпили чай, в этот раз поднимались на балкон, держась за руки.

– Ты далеко отсюда живёшь?

– Да.

Я не знал, зачем спросил это. Конечно, я хотел видеть её каждый день и, конечно, мне было с ней хорошо. Но я не знал, какой частью жизни она видит меня в дальнейшем.

Молча, без слов я поцеловал её, мы раздели друг друга. Снова вспыхнула страсть, жар, стоны, громкое дыхание. Вновь мы лежали на балконе, глядя друг на друга. Я устал, будто меня выдавили, как тюбик.

Снова она начала быстро собираться, и, чмокнув меня в губы, убежала, а я наблюдал за ней с балкона.

– До завтра, – крикнула она и скрылась за деревьями.

Я хотел что-то спросить, но не помнил что именно. Я был весь липкий. И это был не пот. Это было что-то противное и неприятное, отдававшее горчичным запахом. Я пошёл мыться, не зная, что могло произойти. Не зная, где измазался.

На следующий день повторилось то же самое. Затем снова то же самое. Дни протекали для меня как через копирку. Каждый день я проводил около двух часов с девушкой. И каждый день, она убежала, а я наблюдал с балкона, недоумевая, почему так легко её отпускаю. Мама каждый день ездила в магазин за маслом. Ночью я просыпался, потому, что слышал булькающий звук. Но самое странное, казалось, что кроме меня никто не замечал ничего необычного. Конечно, дни не были абсолютно одинаковыми. Родители меняли одежду, передачи по телевизору были разными, время шло своим чередом, но обстановка почти не менялась. И вот, спустя неделю, случилось нечто новое.

– Дима, мы не сможем быть вместе, – сказала Лиза.

Я просто смотрел на неё, ожидая вновь ощутить объятья, не думая ни о чём, кроме её слов, но она стояла, не прикасаясь ко мне.

– Но почему? У тебя есть парень?

– Мы разные, Дима. Я не такая, как ты.

– Всё нормально, Лиза.

– Нет, ты не понимаешь. Я прилетела сюда несколько недель назад. И скоро улетаю. Я не выгляжу так, как ты думаешь, я просто воздействую на твоё сознание, и ты меня видишь такой, какой нужно для твоего возбуждения. Я тебя тоже вижу немного другим, Дима. Мне нужна только твоя сперма. Мы собираем биоматериал, чтоб вырастить людей. Не спрашивай для чего, я не скажу. Не думай, что ты в чём-то виноват, людям свойственны подобные угрызения. Если не ты, это был бы кто-то другой, вот и всё. Я никогда не прилечу вновь, Дима. Но я хочу, чтоб ты знал, что я тебя полюбила. Это может показаться странным, смешным или глупым, но это так. Ты первый парень, который мне так понравился, хоть и нельзя сказать, что я видела тебя настоящего.

Она быстро сбежала по лестнице, даже не сбежала, а будто слетела. Я побежал за ней, выбежал на улицу и лишь мельком увидел её силуэт на опушке леса, через секунду она скрылась за деревьями. Я побежал следом, но так и не догнал.

Этим вечером я услышал, как недалеко от нас будто пролетел самолёт. В этот раз вспышки не было, лишь недолгое гудение, затем тишина. Я выглянул в окно. Лес шумел, как и всегда. Было прохладно.

Я вновь услышал булькающий звук, будто забыли закрыть кран. Я спустился вниз, нащупал выключатель. Кухня осветилась, и я замер, глядя на силуэт отца возле умывальника. Он задрал голову к потолку. Я подошёл ближе, позвал его, но он не слышал. Его рот широко раскрыт, по щеке и шее текла слюна. Он держал бутылку подсолнечного масла и выливал содержимое в умывальник, бездумно глядя в потолок.

– Папа, очнись, – сказал я и дёрнул его за руку. Он повернулся ко мне, тряхнул головой и недоумённо смотрел.

– Чего ты не спишь? – спросил он, продолжая держать бутылку в руке. Вторая бутылка лежала на полу, пустая. Рядом лежали пустые бутылки от уксуса, пива, соуса и минеральной воды.

– Меня разбудил самолёт, – сказал я, – а ты чего не спишь?

– Уже иду, – сказал он и отложил бутылку, несколько секунд недоумённо глядя на неё, затем поглядел под ноги, на склад пустой тары, – что-то у меня болит голова.

Он ушёл спать, а я вышел на улицу и с порога наблюдал за лесом. В небе мерцали звёзды. И я подумал, что Лиза улетела навсегда.

Позже, лёжа в кровати, я подумал, насколько это было странно и вообще возможно ли было подобное. Скорей всего, она воздействовала на людей, заставив моего отца вылить всю жидкость, мать уезжала в город из-за этого, а меня Лиза просто использовала, привлекая внешностью.

Она ушла из моей жизни, забрав частичку меня. Возможно, она говорила правду, возможно нет. Я не знаю. Голова у меня больше не болела.

Через две недели мы уехали в город, оставив летний домик ждать весны. Последний раз отец проверил замки на дверях. В последний раз мы посмотрели на дом и уехали, всё дальше отдаляясь от леса, от нашего домика и от моих воспоминаний.

Лиза осталась в прошлом, но я знал, что никогда её не забуду. И думая об этом, мне припоминалась отдающая горчицей слизь, от которой я отмывался. Возможно, она действительно выглядела не так, какой я её видел. И хорошо, что она мне запомнилась молодой и красивой девушкой.

После этого случая я часто задумывался, что же произошло с ней? Почему она больше не прилетит? И хоть эта мысль была немного неприятной, что же случилось с моим семенем? Возможно, что где-то есть мои дети? Не хотелось об этом думать, но как сказала Лиза, если не я, то это был бы кто-то другой. Лишь намного позже я начал осознавать, что не вполне уверен, было ли это всё на самом деле. Я понимал, что в действительности ничего не мог изменить, и от этого мне стало легче. Если не я, то кто-то другой. Вот и всё.

РИТУАЛ рассказ

Юра долго готовился к путешествию. Он знал правила и обдумывал, как их нарушить. Применение силы исключено, но был другой способ. Если Юра не может узнать всю правду, пусть остальные узнают не меньше. Это было смутным намёком на бескорыстие, которому мать учила с детства.

На фабрике бумажных изделий Юра познакомился с Геной и разузнал за календари.

– Тебе нужна бумага, на которой мы будем печатать календарь, но не в этом году? – спросил Гена.

– Да, – сказал Юра, на ходу придумывая оправдание этому, – бумага, которая точно в будущем станет календарём.

– Но зачем? Давай я дам тебе новый календарь.

– Нет, – сказал Юра и покачал головой с таким выражением лица, будто не мог рассказать истинной причины потребностей, – мне нужен чистый лист бумаги, но такой лист, который когда-нибудь стал бы календарём.

– Зачем, Юра? Объясни.

– Я пока не могу сказать.

Гена только усмехнулся, но сделал то, что просил приятель. Нашёл на бумажном складе картонку из самого дальнего угла, до которой очередь дошла бы не скоро. Юра держал в руке чистый лист формата А4 и улыбался. Он надеялся, что сможет перехитрить систему.

Павел прислушался. Вновь этот странный звук. Слишком звонкий для подобного места. Павел докурил, потушил сигарету в пепельнице, взял фонарь и вышел на улицу. В лицо ударила осенняя прохлада, стали слышны песни кузнечиков и далёкий лай собак. Снова лёгкие постукивания. *Цок, цок, цок.* Затем перерыв. Затем снова *цок, цок, цок.* Казалось, что кто-то бьёт металлом о металл. Павел стоял на пороге домика. Справа был выход за территорию кладбища, окружённого высоким забором. Это мрачное место не навредило особого страха на мужчину. Павел уже привык. Никто не беспокоит. По большей части молодёжь могла шпаться по кладбищу, проверяя храбрость друг друга, либо наркоманы или пьяницы искали металл, чтоб сдать и получить немного налички. Обычные посещения могил не в счёт.

Цок, цок, цок.

Станным было, что собаки не лаяли. Кладбищенские четырёхлапые охранники, они первыми должны бросаться в атаку на непрошенных гостей, и это дело они любили. Но собак нигде не было.

Где-то далеко доносился вой и лай, но это были другие собаки, охранявшие свои дома недалеко от территории кладбища или решившие поддержать коллег.

Цок, цок, цок.

Павел подумал, что звук мог быть и за территорией, но уверенности не было. Всё-таки час ночи. Нормальные люди спят. Кто вообще в такое время и что-то делает с металлом? Он остановился на мысли о наркоманах, решил пойти проверить. Кладбище не освещалось. Павел не боялся, нужно было просто быть внимательным. И он был почти уверен, что, увидев свет фонаря, преступники ретируются. В итоге, в какой-то степени он оказался прав, так как никого не застал. Возможно, преступники скрылись.

Утром, снова осмотрев дальний участок кладбища, уже с собакой, внимательно всё разглядывая, он обнаружил место, где орудовали мародёры. Кое-что произошло с надгробным камнем. Кое-что, не сразу бросающееся в глаза. И это изменение вызвало у него приступ жуты. Павел впервые за несколько месяцев испугался.

– Итак, Юрий, вы уверены, что хотите этого? Обратной дороги не будет.

– Да, уверен, – сказал голос.

В полупустой комнате, где пахло сигаретами и хозяйственным мылом, сидели два человека. В удобном кресле сидел высокий крепкого телосложения мужчина, на рту сигарета, в руках бумаги, на столе стакан с коньяком, пепельница, ручка и открытая папка с документами.

– Соглашаясь на наши условия, в первую очередь, вы сделаете больно своим близким, родственникам, и возможно, причините им некоторые неудобства. Так же, скорей всего вмешается полиция, которая, в свою очередь, так же причинит вашим близким некоторые неудобства.

– Я всё это понимаю, – сказал Юрий, – и я согласен на всё это.

– Хорошо. Вы платите половину суммы сейчас, остальную половину, когда вернётесь. Вам подходит?

– Да.

– Предупреждаю, что иногда эта поездка вызывает необратимые изменения. Вы больше не будете жить, как раньше. Вы читали брошюру? Там вас предупреждают и указывают на побочные эффекты. Вы должны быть к этому готовы. Обмороки, депрессия, необоснованные приступы страха, всё это входит, так сказать в экскурсию. И мы не несём за них никакой ответственности. По сути, вы сами будете нести за это ответственность.

Леонид усмехнулся, поняв двузначность сказанного. Он отпил немного коньяка, отложил бумаги.

– Да, я всё понимаю, – сказал Юрий.

– Фотографировать или снимать и тому подобное строго запрещено. Да и вы сами будете постоянно под присмотром. Думаю, вам не нужно объяснять причину подобных предосторожностей. Всё это очень серьёзно.

– Я всё понимаю.

– Хорошо, Юра. В таком случае, завтра в пять вечера вы должны быть тут. И наденьте что-то тёмное. Всё-таки вы идёте не на свадьбу.

Полицейский внимательно изучал изуродованный могильный камень. Он всё фотографировал, рассматривал следы, но ничего существенного обнаружено не было.

Павел стоял у оградки, курил и наблюдал за этими действиями. Страж порядка всё утро обследовал кладбище в поиске каких-либо улик, но ничего не обнаружил.

– Это всё, что вы нашли? – спросил полицейский, указав на надгробный камень.

– Да. Это всё, что пострадало. Кто-то сбил зубилом дату смерти с камня. Больше ничего не пострадало.

– Чья это могила?

– Это могила Юрия Дорожкина. Умер семь недель назад. Кто и для чего это сделал, я не знаю. Но, честно говоря, я подозреваю, что это сделали осознанно.

Полицейский провёл пальцем по задирам, оглядел камень со всех сторон, коснулся нижней губы.

– Дело в том, что это не первый случай, – сказал полицейский, – на разных кладбищах мы фиксируем несколько подобных происшествий. И в разное время.

– В разное время суток?

– Нет, не суток. Раз в несколько лет подобное происходит, – полицейский закурил, огляделся, словно ища глазами ответ, – на разных кладбищах в разное время года, вот уже последние десять или больше лет. Возможно, намного дольше, но всерьёз этим начали заниматься примерно десять лет назад. И я почти уверен, не все родственники сообщают об этом, соответственно, фиксируются не все случаи.

– И кто это делает? Какая-то банда?

– Мы не знаем. Мы спрашивали у родственников, были ли у покойных враги. Врагов не было. Возможно, это какая-то группировка. Банда осквернителей. Мы до сих пор не можем понять мотивов. Они всего лишь уничтожают дату смерти. Больше ничего не происходит. Покойные не связаны между собой, не знали друг друга, кроме нескольких случаев.

– За это могут посадить?

– Да, могут, – сказал полицейский, – если их поймают. Вы говорили, что слышали глухие удары?

– Да, но когда я пришёл, никого не было. Они всё сделали ночью и скрылись.

– Они?

– Ну, они или он. Я не знаю. То, что дата смерти сбита, я обнаружил утром, да и то случайно.

– Нужно сообщить родственникам об этом. И будьте более бдительны в следующие ночи. Возможно, они явятся снова.

– Такое уже было? – спросил охранник.

– Точно не могу сказать, но после того, как это происходит, могилу обычно навещают родственники.

Холод пронизывал до костей, но Юра осознал, что в большей степени не ветер был причиной этого. Он так волновался, что чувствовал слабость в ногах. Солнце уже не светило ярко, кладбище было почти пустым. Он шёл за проводником, слабо оглядываясь по сторонам. Голова слегка опущена, дыхание частое, но желание увидеть всё собственными глазами не пропадало.

– Мы пришли, – сказал его спутник. Юрий поднял голову, огляделся и мгновенно понял, где нужная могила. Вокруг никого не было, иногда слышались голоса птиц, лай собак, в остальном было тихо и спокойно.

– Могу я подойти? – спросил Юра. Спутник кивнул.

– У вас есть примерно час, если он вам нужен.

Юра вошёл в оградку, стал напротив могилы. На надгробном камне отсутствовала дата смерти. Юра несколько секунд постоял, затем сел на скамейку, в последний момент ощутив, что ноги могут его не удержать. Он внезапно расплакался, достал платок и начал вытирать глаза. Его предупреждали, что он может не выдержать, но всё равно для него это стало неожиданностью.

– Как это произошло? – спросил Юра, почти шепотом.

– Я не могу вам сказать. Вы знаете правила. Ни с кем из родственников вы не можете видеться. И вообще ни с кем не позволено разговаривать.

Юра кивнул. Посмотрел на дрожащую руку. Он незаметно начал оглядываться на соседние могилы и на даты, выбитые на камнях. 2020 год. 2017 год. 2014 год. 2031 год. 1987 год. Даты были самые разные. Юра не мог определить, какой сейчас год. Ему запретили брать какие-либо электронные устройства, и он ощущал себя будто в вакууме, словно запертый в сферу собственных мыслей, лишённый всех остальных чувств, не способный даже рассказать о своей печали.

– Я могу увидеть кого-то из родственников?

Мужчина в плаще поправил перчатки и посмотрел на Юру таким взглядом, что перехотелось задавать любые вопросы.

Юра достал лист бумаги, это не запрещалось, тот самый лист, который передал ему Гена. Лист, который должен был стать календарём. Но это был по-прежнему чистый лист бумаги. Юра недоумённо посмотрел на него и спрятал обратно.

– Что-то не так, молодой человек? – спросил спутник, вновь поправляя перчатки, – мне кажется, что вам уже достаточно. Нам пора идти.

– Нет, нет. Ещё минутка.

Юра наклонился над могилой, провёл по сухой земле рукой. У него был запасной план, помимо календаря.

– Я могу выпить и оставить рюмку за упокой?

– Нет. Ничего нельзя оставлять, вы знаете правила.

– Но ведь это всего лишь рюмка коньяка.

– Нет.

– Могу я выпить сам?

– Это можно.

Юра выпил, скривился, вытерся салфеткой, скомкал её и засунул под скамейку, прикрепив кнопкой. Через минуту он поднялся и вместе со спутником направился в обратную сторону.

За территорией кладбища, по соседним улочкам ходили люди, но никто из них не видел, чтоб Юра и его спутник вышли оттуда.

Полицейский стоял у могилы со сбитой датой. Рядом стоял охранник.

– Что вы хотели показать? – спросил полицейский.

– Вон там, у того края скамейки кнопкой была прикреплена салфетка, а внутри записка. Я случайно обнаружил. Думал, что это мусор.

– Что за записка?

– Возможно, это сумасшествие, но судите сами.

Охранник протянул записку.

Меня зовут Юрий Дорожкин. Я прибыл из прошлого, чтоб посмотреть на собственную могилу. У нас это называется ритуал. Многие хотят увидеть свою могилу, надеясь как-то узнать примерную дату и причину смерти. Нам запрещено об этом говорить, нам запрещено что-либо сообщать в нашем времени, за этим следят. Я оставляю вам записку, так как хочу, чтоб другие знали о подобной организации. Хочу предупредить вас и осведомить. Если я не могу узнать всю правду, пусть остальные знают не меньше.

– И что? – спросил полицейский, вернув записку, – вы думаете, что тут был путешественник во времени?

– Не знаю, но ведь тогда понятно, почему удаляли даты смерти. Чтоб они не узнали, когда умрут. Это логично.

– Я даже не хочу обсуждать эту тему, – сказал полицейский. Он закурил, ещё раз огляделся, глянул на надгробный камень и усмехнулся, – этот писарь не особо умён. Я думаю, он просто списал фразу с надгробья и мыслил точно так же, как вы, мой наивный друг.

Полицейский больше ничего не сказал. Он попрощался, зашагал по заросшей травой тропинке к выходу. Его тёмная куртка быстро удалялась, мелькая пятном среди белых оградок. Охранник посмотрел на надгробье. Кроме инициалов, даты рождения и прощальных слов родственников, там была ещё одна фраза:

Он всегда старался донести правду до окружающих, какой бы она ни была.